

Б. Кальман

ДВА ОБРЯДА ОЧИЩЕНИЯ В КУЛЬТЕ МЕДВЕДЯ ОБСКИХ УГРОВ¹

О культуре медведя обских угров, у которых среди всех финно-угорских народов обнаруживаются, вероятно, самые развитые и самые интересные медвежьи обряды, имеется значительная литература [1, с. 15–164; 2, с. 114; 3, с. 113, 339–383]. Мне хотелось бы рассмотреть подробнее два мотива церемоний: обрызгивание водой (соответственно закидывание снегом) и окуривание.

1. Обрызгивание водой

Тело очищается обычно водой. Многие религии (индуизм, мусульманство и т.д.) предписывают ритуальное обмывание или купание. Само собой разумеется, что этот способ очищения тела символически переносится на «очищение души». Так обстоит дело в христианстве: сам акт крещения является «очищением души от греха», и обрызгивание святой водой делает каждое существо и каждый предмет чистым и священным.

С этой точки зрения мы и хотим исследовать подобные обряды на медвежьем празднике. Также и здесь обрызгивание водой представляет собой духовное очищение и освобождение от греха.

Ритуал обрызгивания часто упоминается исследователями и встречается даже в медвежьих песнях [1, с. 74–78; 2, с. 404; 3, с. 360–361].

Удачливого охотника на медведя зимой обсыпают снегом, летом обрызгивают водой. Этот обряд встречается в действиях медвежьего культа при трех различных обстоятельствах.

1. По данным Гондатти [4, с. 197], охотники обсыпают друг друга зимой снегом, а летом мхом и землей, когда добыт медведь. Патканов тоже описывает этот обычай: «Если охота окончилась удачно, охотники забрасывают друг друга снегом, а летом землей, или обрызгиваются водой – обычай, значение которого мне непонятно» [5, с. 127].

Павловский тоже упоминает это действие, ссылаясь на Гондатти и Харузина [6, с. 178]. Правда, других сообщений об этом мы не имеем. Обычай не упоминается в медвежьих песнях ни вогулов (манси), ни остяков (ханты). По всей вероятности, обычай ограничивается небольшой областью, населенной южными остяками. Павловский [6, с. 178] и Карьялайнен [4, с. 200] считают, что речь идет, вероятно, о религиозном обряде, о символическом очищении охотника от греха за убиение медведя. Впрочем, это можно истолковать и как попытку ввести

медведя в заблуждение, делая вид, что медведя не узнали при буране и снеге. Так они перекладывают вину за свое заблуждение на стихию.

2. Более общим является обычай, существующий в целом у обско-угорских народов, когда охотника на медведя при возвращении домой зимой обсыпают снегом, а летом обрызгивают водой; этим занимаются люди селения, особенно женщины. Поскольку охотник несет шкуру убитого медведя, конечно, и эта шкура становится мокрой. Хотя обычай выглядит древним, так как на него указывает большинство медвежьих песен, до Мункачи об этом никто не говорил. Его вогульский информант на Конде описывает этот способ приветствия охотника у дома следующими словами: «Женщины бросаются к нему и обсыпают его снегом или обрызгивают водой» [7, с. 416].

Папай пишет об этом ритуале: «Как только они приближаются к селению, то издают громкие крики. По этому знаку жители селения выходят навстречу охотникам, и они обсыпают друг друга зимой снегом, а летом обрызгивают водой, затем медведя несут в селение. По прибытии охотника домой игра со снегом и водой продолжается» [8, с. 13–14].

Подобное же описание приводит Каннисто: «Охотники и люди из деревни начинают с шумом бросаться снежками, а летом обрызгиваться водой» [2, с. 404; 3, с. 404].

Медведя вносят в дом добывшего его охотника, за ним следуют жители; охотник берет в руки поставленную перед ним берестяную коробку, наполненную снегом, «обращает ее к народу и ударяет кулаком по дну, так что снег обсыпает людей, а коробка летит на пол. Это означает, что медведь тоже участвует в веселой игре людей в снежки» [2, с. 404].

Подобный ритуал описывает у остяков нижней Оби Карьялайнен. В верховьях же Оби, в устье Ваха устраивается обмывание из сосуда [4, с. 201]. Еще более заметен религиозный характер ритуала в случае с кондинскими остяками. Праздничный поезд достигает селения: «У женщины в руке сосуд с водой, у другой чаша с дымокуром. Шкуру окуривают, затем трижды обрызгивают водой, и обрызгивающий пугает медведя словами: *ʒors, ʒors, ʒors!* Опырыскивают и охотников. В Чингале каждый встречающий брызгает водой с руки на медведя, добыт-

¹ Опубликовано: Kálmán B. Zwei Reinigungsriten im Bärenkult der Obugrier // Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker. Budapest, 1963. S. 93–100.

чика медведя бросают в воду, если одолеют, или, по крайней мере, брызгают ему на голову; также и лютого другого пришедшего обрызгивают водой.

Это «игра», но она восходит к действительно очистительным, т.е. изгоняющим церемониям, которые должны помешать «прилипнуть неподобающему» [4, с. 200].

В вогульских медвежьих песнях часто упоминается закидывание снежками и обрызгивание охотника на медведя при возвращении его домой.

Вокруг играют в снежную игру [7, с. 101].

Многие девушки с платками

Приветствуют нас и играют в снежки

Приветствуют нас и играют в водные игры.

Многие юноши со стрелами в руке

Встречают нас и играют в снежки.

Многие юноши с луком в руке

Встречают нас и играют в водные игры [7, с. 317; также с. 146, 247, 365, 476].

То, что эта игра – не просто выражение радости, а ритуал религиозного значения доказывает медвежья песня о трагическом событии: Старик с Ветряного Озера вместе с убитым медведем доставляет домой свою жену, которую разорвали дикие звери. Его младшие братья выходят, плача, навстречу и «брызгают водой на своего старшего брата» [7, с. 380].

Этот мотив часто встречается у Каннисто в северных медвежьих песнях:

Снежную игру играют,

Водную игру играют [2, с. 130; также с. 49, 93, 115, 148, 158, 191, 206, 216, 228, 239, 337].

Все приведенные медвежьи песни происходят из северных областей (реки Сосьва и Верхняя Лозьва). В медвежьих песнях из так называемых южных диалектных областей (средняя Лозьва), которые записал Регули (некоторые из них Мункачи переписал на северный диалект), этот мотив церемонии всегда выступает в связи со сравнением: обрызганный охотник и обрызганная медвежья шкура подобны плавающему в воде самцу белки. В песнопениях среднего течения Лозьвы говорится только об обрызгивании водой, а закидывание снегом не упоминается. Далее обращает на себя внимание то, что если на севере в закидывании снегом одновременно участвуют мужчины и женщины, то в более южных областях вогульской территории и у южных остяков закидывание снежками – забота только женщин. В вогульских медвежьих песнях Мункачи этот ритуал встречается в четырех местах. В одном случае говорится:

Как плавающий в воде самец белки –

– проклять! – так мы будем женщинами

снова и снова облиты [7, с. 342–343; также с. 203, 295, 354–355].

У Каннисто в западных медвежьих песнях этот мотив не встречается. В восточном прозаическом

фрагменте из района Конды находим: «Шесть водных танцев, семь водных танцев танцует он (юноша) с ним (медведем)» [2, с. 252].

В одном (южном) песнопении из района Тавды говорится: «Тремя женщинами была она (шкура медведя) облита водой» [2, с. 397].

Эти два кратких указания отражают особенность, подобную той, что отмечена Регули в западных песнопениях.

Между тем в медвежьих песнях остяков соответствующий намек встречается только в одной из длинных медвежьих песен, его цитирует Патканов:

Многочисленные женщины города,

многочисленные мужчины города

из массы воды

поднимают прекрасное облако

к небу [5, с. 202–203].

Патканов замечает в этом месте: «Во время медвежьих праздников имеется обычай обрызгивать друг друга водой. Зимой кидаются снежками» [5, с. 236].

Подводя итог, мы можем сказать, что обычай закидывать снегом или обрызгивать водой возвращающихся домой охотников, по всей вероятности, является очистительной церемонией религиозного происхождения, посредством которой охотник на медведя и участники праздника надеются обоюдно освободиться от греха. Очищение важно по двум причинам: а) нужно убедить медведя, что они не виноваты в том, что медведь убит и его мясо едят; б) только хорошие, безгрешные люди могут находиться вблизи медведя. Инфантьев также упоминает, что прибывшие на праздник гости должны быть обрызганы водой, прежде чем они приблизятся к медведю и окажут ему почести [9, с. 79].

По сообщениям Каннисто [2, с. 411], хозяин во второй день медвежьего праздника, после вкушения мяса медведя обрызгивает своих гостей водой. Разумеется, это действие тоже означает очищение присутствующих от греха, который они совершили, поев медвежьего мяса.

3. Третий повод для игры в снежки, кстати, не упоминающийся в медвежьих песнях, это окончание медвежьего праздника. Гондатти сообщает по этому поводу, что, в то время как мужчины выносят медведя, женщины кидаются снегом или брызгаются водой; в доме, где проводится медвежий праздник, исполняются танцы [4, с. 224]. Каннисто наблюдал у вогулов Сосьвы следующее: «Как только медведь с сопровождающими прибыл во двор, начинается сильный буран, т.е. общая игра в снежки, в которой не шадят никого из присутствующих. Также и у медведя вся морда в снегу. Во всеобщей неразберихе двое мужчин хватают стол и несут его на жертвенную площадку позади жилого дома» [2, с. 417].

Эта игра с искусственно созданной бурей, возможно, должна отвлечь внимание медведя от того факта, что праздник окончился и его выносят, что обижают медведя.

Если по окончании праздника шкуру медведя продадут русскому торговцу, то, когда он удаляется, ему бросают вслед несколько лопат снега, сообщает Инфантьев [9, с. 80]. Это тоже акт успокоения совести: якобы снежная буря помешала узнать торговца и заметить, что он уносит шкуру медведя.

Итак, «снежная и водная игра» имеет два компонента. Обрызгивание водой первоначально является очистительной церемонией, которая очищает охотника на медведя и участников праздника от греха убийства медведя и употребления его мяса. Закидывание снегом частично является дальнейшим развитием этого символического ритуала. Доказательством культового происхождения обрызгивания водой является то, что употребляемая для этого вода называется иначе, чем обычная; точно так же, как части медведя и предметы, используемые при вкушении медведя [3, с. 352]. Игра в снежки, напротив, является частью различных маскировок на медвежьем празднике, имеющих целью ввести медведя в заблуждение. Их цель – созданием бурана заставить медведя поверить, что его не узнали или не заметили, когда его вынесли из дома – места действия медвежьего праздника. По сходной причине закрывают глаза медведя, пока едят его мясо; одновременно несколько человек подражают крику ворон, шутят с медведем, надевают маски и т.д.

II. Окуривание

Окуривание тоже является обычаем, общим для многих религий. Первоначальной целью, как и в случае с водой, могло быть физическое и гигиеническое очищение или освобождение кожи от болезни и паразитов. Когда окуривание стало символическим, религиозным обрядом, к очищающему и излечивающему воздействию добавился приятный запах, который способствовал праздничному настроению. Некоторые целебные курения одновременно распространяют приятный аромат. Окуривание с целью очищения или изгнания злых духов было широко распространено у евреев и христиан (ладан).

У северных народов окуривание часто применяется женщинами. В «нечистое время» (менструации, родовые схватки и роды) женщины отправляются в специальный «маленький домик», где они должны жить после окуривания. Кроме того, они должны окуривать каждый предмет, которого они касались во время нечистоты [10, с. 63–64].

Если они случайно наступили на предмет мужской одежды или перешагнули через него, то предмет подлежит окуриванию, прежде чем он снова будет использоваться [3, с. 395].

Окуривание является частью медвежьего ритуала и проводится как при убийстве медведя, так и на медвежьем празднике. Для окуривания используется чаще всего березовая губка и бобровая струя; если губки нет, берут ветви можжевельника или пихты [3, с. 360–361]. В наших источниках упоминаются многие поводы для окуривания.

1. Только об остяках сообщается, что они обнимают и целуют медведя [1, с. 67] после того как убьют его и прежде чем начнут снимать шкуру. Они едят его мясо, но предварительно окуривают его [4, с. 197]. Подобные обычаи известны также у северных народов [11, с. 21–23].

2. Только остяцкие медвежьи песни упоминают окуривание перед доставкой медведя домой и его укладывание в «колыбель» [8, с. 57, 81–82; 12, с. 318].

С другой стороны, у северных вогулов при доставке домой «в нарты с медведем ставят сосуд с окуриванием, чашу, в которой тлеет зажженный трут» [2, с. 403–404].

3. По прибытии охотников медведя окуривают одновременно с обрызгиванием или до него. Более всего свидетельств об этом содержится в северных медвежьих песнях, записанных Каннисто:

С тлеющим огнем поднимающая рука
приблизилась ко мне [2, с. 93].
Утренний (дым от) трута
жертвующей рукой я окружен,
вечерний (дым от) трута
жертвующей рукой я окружен... [2, с. 108].
Старая женщина с постаревшими руками,
Старая женщина с постаревшими ногами,
С (приятно) пахнущим огнем трута в руке
Подходит ко мне... [2, с. 130; также с. 148, 191,
216, 239, 337].

У остяков можно найти многие следы ритуала. Относительно южных остяков у нас имеются сообщения Карьялайнена [4, с. 200]. Папай, в свою очередь, собрал песнопения с подобным мотивом у северных остяков [8, с. 60, 83, 86, 91, 96; 13, с. 256]. Штейниц записал у остяков медвежью песню с таким текстом:

К маленькой охотничьей юрте
принесли они (меня).
Двумя добрыми, одновременно выросшими
героями,
С огнем трута и бобровой струей в руках
Были мы встречены... [12, с. 318].

4. Каннисто упоминает в своих этнографических описаниях [2, с. 206, 229], что на пороге дома, где проводится медвежий праздник, стоит сосуд с окуриванием; охотники должны переступить через него при входе в дом и внесении медведя. В медвежьих песнях этот обычай тоже встречается [2, с. 206, 229].

5. Во время медвежьих праздников на столе медведя тлеет трут в течение всей церемонии [2,

